

СТИХИ С ПЕРЕДНЕГО КРАЯ

КАПИТАН ВЛАДИМИР ЗОТОВ

ОБ ОДНОМ ИЗ ФРОНТОВЫХ ПОЭТОВ

Предисловие В.с. Рождественского

Годы, проведенные на фронтах Великой Отечественной войны, навсегда останутся в памяти каждого писателя, принимавшего непосредственное участие в этой героической народной эпопее. Спустя двадцать с лишним лет многое вспоминается с необычайной отчетливостью — и не только те горячие дни и недели, которые упомянуты в сводках Информбюро. Я вижу утонувшие в сугробах ленинградских и волховских лесов низенькие блиндажи и землянки, куда нужно было пролезать, спускаясь все ниже и ниже, как бы проваливаясь в темные недра. Откинешь полог плащ-палатки, и при свете подрагивающего огонька коптилки выступают из полумрака бревенчатые стены, низкий потолок, дощатые лежа, а посередине стол, сооруженный из каких-то ящиков и покоробившейся фанеры. Потрескивает в углу незатейливая печурка, которую умелые руки смастерили из кровельного железа или отслужившего свой век бензобака.

Было и тепло, и даже уютно — в те, разумеется, дни, когда немцы не беспокоили с воздуха, не пристреливались артиллерийским огнем. В одной из таких землянок размещалась и та армейская газета, где нам приходилось вести каждодневную работу — писать статьи, очерки, фельетоны, стихи. Отсюда отправлялись мы в командировки за материалом во фронтовые части. Работы было много, разездов и пеших хождений хватало тоже, и возвращение в родную землянку, к привычному столу и огоньку коптилки, казалось похожим на то, что приходишь к себе домой, в уже устоявшийся и спокойный быт, хотя этот «дом» и «быт» всегда оказывались и переменчивыми и непостоянными.

Периоды затишья, передышки между боями вносили некоторое разнообразие в наш редакционный обиход. Полевая почта присылала вместе с обычными заметками «военкоров» пачки треугольником сложенных писем со стихами и даже коротенькими рассказами. Всем нам помнится это стремление рядовых бойцов и офицеров как-то выразить, закрепить свои чувства на клочке бумаги, огрызком карандаша и часто в самых неподходящих для этого мирного занятия условиях. Было нечто бесконечно трогательное в этом желании, и никто не оставался равнодушным к неровно, нетвердо написанным строчкам наивных, простосердечных стихов, в которых жили честные и прямые чувства, говорившие о великой любви к Родине и о вере в конечную победу.

Среди подобных стихотворных записей попадались и стихи, отмеченные несомненным дарованием, вкусом, умением владеть поэтическим словом. Лучшее из них попадало на страницы газеты, находило горячий отклик в сердцах рядовых бойцов, вырезалось из газетного листа и пряталось на память в нагрудные карманы. Все это было живой литературой фронта, и если бы кто поставил себе задачей пройти по страницам дивизионной, армейской, фронтовой печати, он мог бы отобрать достойный материал,

в котором исторически точно отразилось бы то, чем жила и дышала фронтовая среда защитников Ленинграда в трудные блокадные месяцы 1942—1943 гг.

Одним из таких запомнившихся поэтов того времени мы, фронтовики-ленинградцы, считали капитана Владимира Николаевича Зотова, командира саперной роты, все время находившегося на переднем крае, у Пулковских высот — самые опасные места в непосредственной обороне города. Там он со своими саперами бесценно участвовал в вылазках и боевых операциях, там же был и тяжело ранен разрывом вражеской мины. Стихи его, в которых, помимо всем близких в то время переживаний, просто и правдиво говорилось о повседневном солдатском быте, о буднях войны, заучивались бойцами наизусть, списывались в записные книжки. Они пользовались заслуженной известностью среди воинов ближнего Ленинградского фронта — о чем не следует нам забывать и после стольких протекших лет.

Вл. Зотов, по профессии архитектор, в первые же дни войны вступил в народное ополчение, а несколько позднее в саперные части Красной Армии. Он не принадлежал к писательскому цеху, хотя стихи писал с юных лет. На фронте с особой силой пробудилось в нем его давнее влечение к поэтическому слову. Когда я говорю о Вл. Зотове, я имею в виду, конечно, не его одного. Были и другие поэты, рожденные фронтовой обстановкой, и стихи их, несомненно, сыграли свою роль в то памятное нам всем время в одном ряду с произведениями писателей-профессионалов. Можно сказать больше — бывало и так, что стихи, рожденные в землянке переднего края, своей непосредственной близостью к месту действия, казались более живыми и впечатляющими для бойцов, чем то, что уже легло печатной строчкой на страницу газеты или книги.

После войны В. Н. Зотов вернулся к своей основной профессии. Как архитектор он принял участие в восстановлении разрушенного Петергофа, а сейчас работает главным архитектором Выборгской стороны в Ленинграде. Не забывает он и о поэзии. Не так давно им закончена интересная поэма «Ленинградцы», в которой рассказывается об одной блокадной судьбе, и очень точно, как может передать только очевидец и участник, воспроизведена бытовая обстановка героического города в самые трудные для него дни.

Ниже печатаются стихи Вл. Зотова, ходившие в записях и устной передаче среди бойцов Ленинградского фронта.

БАЛЛАДА О НОЧЛЕГЕ

Знакомые просят меня рассказать
О том, как пришлось нам зимой воевать...

Рассказывать тошно и неохота,
Про доты что ли? Да ну их в болото!

А как мы прощались навеки с друзьями,
Настанет время — узнаете сами.

К чему вспоминать про мороз колючий?
Я лучше припомню веселый случай.

Устав от ночевок в снегу, на соломе,
Мы заняли ротой бревенчатый домик.

Я нормы такой не забуду вовек:
На метр квадратный — шесть человек!

Б. М. ЛИХАРЕВ (слева) и В. Н. ЗОТОВ

Фотография. Ленинградский фронт,
март 1942 г.

Собрание В. Н. Зотова, Ленинград

Чтоб каждому воину место дать,
Я взводу сначала командовал: «Встать!»

Потом мы садились, плечом к плечу.
Вот так ночевали... О прочем молчу.

Ленфронт

ОКОПНАЯ

Хороша землянка наша —
Пять рядов над ней накат,
И, ей-богу, нам не страшен
Неприятельский снаряд!

Но хвалиться мы не станем,
Все ж и в недрах блиндажа
Ждешь с невольным замираньем,
Ждешь снаряда не дыша.

Ждешь от «германа» посылки
(Чёрт возьми его скорей!),
Коль застрял в «прицельной вилке»
Дальнбойных батарей.

Вот снаряд ревет и воеет,
 Воеет он, а мы молчим
 И не верим, что накроет
 Попаданием прямым.

Будто рухнул неба купол,
 Шум в ушах, шальной трезвон.
 Значит щучий сын нащупал
 Наш саперный батальон.

И комбат мой, брови хмурия,
 Чертыхается слегка
 И бурчит в мембрану: — «Бурия!»
 „Бурия“, дай-ка огонька!..»

Чем опасность неизбежней,
 Тем спокойнее кругом, —
 Тем охотней житель здешний
 Речь заводит о другом.

Что в семи верстах отсюда
 Баня просто благодать,
 Что под вечер бы не худо
 Нынче в шахматы сыграть...

Им, кто собственную кровью
 Окропил передний край,
 Ты, брат, доброго здоровья
 До победы пожелаи!

Ленфронт

СМЕРТЬ СОЛДАТА

Бывает так — еще не бой,
 Передний край еще спокоен,
 А срезан пулею слепой
 Упал на дно окопа воин.

Застыл солдат недвижно прям
 В покое нерушимо прочном,
 И руки вытянул по швам
 Он перед отпуском бессрочным.

Никто ему в последний раз
 По-русски тело не омоет.
 Лишь веки потускневших глаз,
 Тоскуя, друг ему закроет.

И место мертвому найдут
 Угрюмого успокоенья,
 Привал последний и уют
 В забытом ходе сообщенья.

Могила тесная узка.
 Ее, отмеря в рост длиною
 И вглубь на полтора штыка,
 Саперы выдолбят киркою

На вековечный отдых свой
Солдат ложится безоружный.
Его винтовку взял другой,—
Оружие для мщенья нужно!

Покойному отдать поклон
Сберутся фронтовые братья.
Простые, строгие, как он,
Простятся, слез мужских не тратя.

Стоят вокруг они скорбя,
Стоят в молчании суровом.
Горюет каждый про себя,
Не облегчая горя словом.

Ленфронт

ФРОНТОВИКИ В ВОРОНЕЖЕ

Махорки вьется дым заядлый,
Курчавя сизые вихры,
Где застучали, точно дятлы,
Егорьевские топоры.

Святая соль седьмого пота,
Седея, стынет на спине.
Саперов-плотников работа
Здесь горячей, чем на войне.

Они берут урок бессменный
И ночью не уходят прочь.
К рассвету поднимает стены,
Как на дрожжах, сквозная ночь.

И фонарей свисают грозди,
И льется света желтый сок.
Под молотками пляшут гвозди
На глади бронзовых досок.

Фронтовикам заданья мало,—
Гудит сержанта бас густой:
— Подбрось, десятник, матерьяла,
Не то записывай простой!

Сквозь гам веселый перепалки
Несется звон из-под дуги,—
Подвозят рубленые балки
Воронежские битюги.

Ты нашей славы не уронишь,—
Топор саперный, вновь служи!
Пускай разрушенный Воронеж
Поднимет выше этажи.